

в противоположность мнению Е. М. Шиллинга⁷ свидетельствует вовсе не об изолированности жилища от внешнего мира, а скорее, напротив, о связи с людьми, поскольку широкий чистый двор — важнейший атрибут института абхазского гостеприимства.

Одно из важных положений, выдвигаемых Л. Х. Акаба, касается так называемого «длинного дома». Характерно, что по-абхазски он называется *аганвны*, т. е. «дом в ширину», а не «в длину», другое название — *апсуавны* «абхазский дом» (с. 168). Обращаясь к генезису такого дома, автор убедительно показывает, что аганвны пришел на смену многим амхара — жилищам брачных пар, а не на смену апацхе. Л. Х. Акаба зафиксирована архаическая в смысле техники постройка типа аганвны (с. Гвада — с. 169). Показательно, что, по мнению информаторов, именно аганвны был распространенным видом жилища в прошлом (с. 168). Быт в таком длинном доме с несколькими комнатами и одним центральным помещением с навесом с фасадной стороны хорошо представлен в книге Ш. Д. Инал-ипа⁸.

Нужно сказать, что внимание к социальным и семейно-бытовым аспектам жилища делает обоснованными и многие интересные выводы Л. Х. Акаба, например положение о том, что в планировке развитого жилища в трансформированном виде выступает план прежней усадьбы. Стоило бы более последовательно держаться принципа социальной детерминации жилища. Так, отказ от длинных домов у абхазов, несомненно, был продиктован переходом к хуторскому типу поселений. Следовало бы также обратить особое внимание на феодальную регламентацию типов жилищ в дореволюционной Абхазии. Известно, что феодалы запрещали крестьянам строить жилища с тремя помещениями, с несколькими дверями, короче, похожие на их собственные⁹. Хотелось бы больше узнать об интерьере (ведь он также влияет на типологию жилища) и особенно об обрядах и поверьях, связанных с домом. Мы должны также отметить, что в этой части, как и в части, написанной Е. М. Малия, не рассматриваются локальные формы. Незначительность локальных вариантов в конструкциях жилищ отмечал уже И. А. Аджинджал. Есть все основания думать, что единообразие в абхазской материальной культуре — сравнительно позднее явление. Но какого времени? Эти и другие неясные вопросы еще ждут внимания этнографов-абхазоведов.

Рецензируемая книга хорошо освещает основные элементы материальной культуры Абхазии и поэтому представляет важный этап в подготовке историко-этнографического атласа Грузии.

Я. В. Чеснов

⁷ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1, с. 64.

⁸ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965, с. 308—309.

⁹ Там же, с. 301.

С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 174 с.

Арктическая археология — сравнительно молодая и быстро развивающаяся область археологической науки — пока не богата крупными, широко известными находками. Подавляющая часть древних памятников, известных в зоне Крайнего Севера, представлена остатками отдельных жилищ, небольших стоянок или поселений, гораздо реже — могильниками или петроглифами. Понятен поэтому тот интерес, который вызывает недавнее открытие в районе Берингова пролива, у восточного побережья Чукотки, крупного комплекса монументальных сооружений, образно названного авторами рецензируемой книги «Китовой аллеей».

Китовая аллея — грандиозное сооружение из множества объектов, построенное из черепов и челюстей гренландских китов на маленьком, ныне необитаемом острове БИ-тыгран в проливе Сенявина. Свою основную задачу авторы книги, первооткрыватели и первые исследователи этого памятника, видели не только в его детальном описании, но и в определении назначения всего этого уникального архитектурного комплекса, выяснении этнокультурной принадлежности и уровня социально-экономической организации создавшего его населения. В археологии по отношению к типичным, массовым памятникам обычно применяют достаточно разработанную методологически процедуру «интерпретации комплексного объекта». Однако уникальный характер Китовой аллеи, отсутствие датирующих предметов и надежных аналогий, скудость исторических сведений и фольклорного материала превратили саму процедуру интерпретации этого памятника в самостоятельное творческое исследование. Авторы смело предваряют монографию замечанием о «неизбежной гипотетичности некоторых своих выводов» (с. 7). Правда, следует отдать им должное: благодаря четко составленной программе исследования, удачно найденной логике подачи материалов их общие заключения выглядят вполне правомерными.

Решение поставленной задачи в значительной степени удалось в силу широты подхода к ней, предполагавшего рассмотрение памятника (датируемого ориентировочно серединой II тысячелетия н. э.) на фоне анализа историко-культурной и этнической ситуации на Чукотке в течение двух последних тысячелетий. Весьма важны наблюдения и общие выводы авторов, касающиеся структуры, размеров и организационных форм внутри- и межгрупповой кооперации древнеэскимосских коллективов охотников на крупных морских животных. В книге высказано мнение, что построение такого крупного и

сложного архитектурного комплекса, как Китовая аллея, доказывает возможность возникновения на базе высокоэффективного морского промысла (т. е. одной из специализированных форм присваивающей экономики) даже в суровых условиях Арктики таких сложных форм «социальной организации, материальной и духовной культуры, которые в других районах мира были возможны лишь на базе производящего хозяйства» (с. 158). Предлагаемая читателю точка зрения, что зависимость благополучия коллективов древних морских охотников от изменений экологической ситуации была значительно более прямой и непосредственной, чем в условиях производящей экономики, представляется справедливой. Следует отметить, что та социальная ситуация (как сказано в книге, «всплеск культурно-идеологического усложнения» — с. 160), которая привела к созданию Китовой аллеи, оказалась кратковременной. Единственным следом этого памятника в современном эскимосском фольклоре остались чисто местные этнологические интерпретации и указание, что на о. Сиклюк (Биттыгран) хранились в ямах большие запасы мяса (с. 98, 99). Представляется, что последнему факту, особенно в связи с находкой близ сооружений Китовой аллеи около 120 древних ям, в которых и сейчас еще имеются остатки мяса, авторы все же не уделили необходимого внимания. Ведь такая прямая перекличка археологических данных с фольклорными очень расширяет возможности интерпретации столь редкого сооружения.

Столкнувшись с уникальным культурно-историческим комплексом, каким, несомненно, выглядит в рамках арктической археологии Китовая аллея, авторы пошли, как они сами утверждают, по пути последовательного создания «системы концептуальных данных, в которую полученные [ими] факты и материалы могли бы быть логически уложены» (с. 136). Однако вывод о назначении обнаруженных мясных ям как временных хранилищ пищевых запасов (с. 36—41) не требует обязательного противопоставления двух гипотез о функциях Китовой аллеи: либо как центра сезонных ритуалов реконструируемого авторами гипотетического древнеэскимосского мужского союза (с. 148, 149), либо (что выглядит гораздо более естественным) как одного из центров сезонной охоты жителей нескольких поселков (с. 132, 143). Указывая, что аллея в прошлом могла иметь «помимо чисто ритуального содержания также и какое-то другое, более рациональное, социальное, экономическое и коммуникативное значение» (с. 36), авторы в дальнейшем тексте все более определенно склоняются к чисто ритуальной трактовке описанного ими памятника. Так, они прежде всего опровергли свое собственное допущение, появившееся в ходе логического анализа, что Китовая аллея «была в первую очередь сезонным центром охоты, т. е. местом регулярного сбора, стоянки, а затем и разделки китов группами охотников из нескольких соседних селений» (с. 143). Для доказательства несостоятельности этого допущения выдвигаются следующие положения: 1) отсутствие китов и эскимосского китобойного промысла в проливе Сенявина в конце XIX—XX в.; 2) отдаленность крупных древних поселений, которые могли бы в прошлом выставлять достаточное число участников для китовой охоты и разделки туш; 3) трудности транспортировки убитых в районе Китовой аллеи китов в эти места; 4) отсутствие на окрестных берегах следов массовой разделки животных.

Лишь находки скопленных китовых костей, по мнению авторов, могут подтвердить наличие в этих местах китового промысла в древности. А раз таких подтверждений нет, то строительный материал для сооружений Китовой аллеи — черепа и нижние челюсти — должен был доставляться морем издалека, из какого-то иного промыслового центра, где интенсивно осуществлялась разделка китовых туш. При этом авторы признают, что идея перевозки китовых костей и черепов на большие расстояния представлялась всем их «современным информаторам смешной и нелепой» (с. 133). Однако эта идея в книге все же отступает, и в ее подтверждение приводится ряд весьма остроумных доводов. Предложенная гипотеза, безусловно, «красива» и интересна; однако думается, что более серьезные аргументы в ее пользу могут дать лишь дальнейшие тщательные исследования памятника. То же относится и к положению, что отдельные группы вертикально врытых китовых черепов и челюстей могли использоваться как фиксированные места причаливания промысловых байдар из разных поселков. Нуждается в обосновании и гипотеза о назначении ряда столбов из китовых челюстей, который протянулся к Китовой аллее с востока вдоль южного берега о. Аракамчечен (с. 65—67, 152).

Пожалуй, одно из наиболее ценных качеств рассматриваемого исследования заключается в том, что в широкий круг поисков вовлекаются данные не только исторических, но и естественно-научных дисциплин. В то же время постановка ряда историко-культурных проблем, поиски «специфичных» (с. 134) для конкретной этнической среды и описываемого памятника особенностей определенно вызывают необходимость посмотреть на него с более широких культурологических позиций, прежде всего с точки зрения некоторых закономерностей эволюции взаимодействия человека и природной среды. Так, в тексте книги как бы попутно разбирается вопрос об отсутствии (или слабости) традиции ритуального использования китовых черепов и костей у древних эскимосов (с. 117, 118) и о преимущественном их использовании как строительного материала для утилитарных построек (жилищ, хранилищ для мяса и т. п.). Вспомним, что черепа и кости мамонтов и шерстистых носорогов применялись для постройки палеолитических жилищ (стоянки Мезин, Мальта и др.), а также специфический характер изображения этих животных в палеолитическом искусстве. Дело в том, что при изображении чисто промысловых животных облик их обычно не бывает индивидуализирован: он в разной степени схематизирован и передает общие черты вида. Аналогии в некоторых бытовых предметах, в конструкции жилищ между палеолитической культурой Евразийского материка и эскимосами известны в науке давно. Однако наблюдения и выводы авторов рецензируемой книги об организации охоты на крупных морских животных, размерах человеческих коллективов, оптимальных для такого рода деятельности и т. п., могут быть более широко использованы при исследовании хозяйства и социальной организа-

ции охотников на крупных наземных млекопитающих приледниковой тундры в палеолитическую эпоху.

Не менее важны аналогии подобного рода при изучении проблемы оседлости охотничьего населения, устойчивости крупных коллективов, а главное проблем, связанных с получением и использованием избыточной продукции в эпохи изобилия пищевых ресурсов, когда у древних охотников высвобождались значительные периоды времени для индивидуального и коллективного творчества. Если дальнейшие исследования подтвердят чисто ритуальный (а не производственно-социальный) характер сооружений Китовой аллеи, то это будет весьма важный шаг на пути к новой интерпретации гигантских пещерных подземных галерей петроглифов и скульптурных изображений, созданных первобытным человеком в других районах мира. Чрезвычайно перспективным представляется и другое направление поиска аналогий: сравнение сооружений Китовой аллеи с первобытными монументальными архитектурными комплексами, которые многие исследователи в последние десятилетия стремятся увязать с разного рода астральными культами и практикой первоначальных астрономических наблюдений.

«Исследования Китовой аллеи продолжаются...» (с. 164). Эта, казалось бы, обычная фраза, завершающая монографию, открывает широчайший простор для дальнейших наблюдений и выводов. Оценивая в целом монографию «Китовая аллея», прежде всего следует отметить творческий и разнообразный подход авторов к избранному объекту исследования, их большую целеустремленность и увлеченность, а главное, намеченные ими широчайшие перспективы дальнейшего поиска.

П. М. Кожин

НАРОДЫ АФРИКИ

С. Б. Чернецов. Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв./Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука, 1982. 308 с.

Монография С. Б. Чернецова в значительной степени заполняет тот пробел в наших знаниях о развитии феодализма на Востоке, который до сих пор составляла Эфиопия. Важность и актуальность исследования несомненны. Оно представляет не только академический, но и практический интерес. Ведь многие политические, этнические, социальные и культурные проблемы сегодняшней Эфиопии коренятся в ее недавнем феодальном прошлом. Без изучения феодализма и всех его институтов в Эфиопии в их взаимодействии невозможно выявить ни общие закономерности исторического процесса в этой стране, ни его своеобразие.

Хронологически работа ограничена рамками XIII—XVI вв., т. е. периодом относительно раннего развития эфиопского феодализма. Вопрос о генезисе феодализма в Эфиопии обрисован лишь в общих чертах во введении. Автор объясняет это крайней скудостью источников по Аксумскому периоду (I—VIII в. н. э.), к которому восходят истоки эфиопского феодализма. Представляется, однако, что дело здесь не только в скудости источников, но и в их специфике. Исследователи Аксумской цивилизации в первую очередь опираются на данные археологических раскопок, эпиграфики и нумизматики. Аксумистика превращается в особую отрасль востоковедения со своими методами исследования, требующими и соответствующей подготовки. То обстоятельство, что автор ограничил свою работу указанными хронологическими рамками, только делает честь его научной добросовестности.

Вместе с тем положение автора о том, что ростки феодальных отношений появились уже в аксумские времена вдоль караванных путей, находившихся под прямым контролем аксумских царей и их наместников (с. 6), представляется плодотворным и перспективным, хотя и требует еще дальнейшей разработки и более подробного обоснования.

На бывшей аксумской периферии развитие объективно пошло феодальным путем, путем внеэкономического подчинения местного земледельческого населения (в основном агау по этнической принадлежности). Это обстоятельство прекрасно объясняет, почему и после крушения Аксума эфиопское общество, отрезанное от побережья и торговли по Красному морю, не утратило ни своей государственности, ни своей культуры, ни своей религии.

В истории раннефеодального государства, образовавшегося к XII в. в районе южного Тигра, при династии загвеев, многое еще остается неясным. Но сущность исторического процесса, протекавшего в период правления загвеев, изложена автором убедительно: постепенная апроприация царями этой династии свободных общинников, обращение их в христианство, постепенная монастырская колонизация лежавших к югу земель (в областях Амхара и Шоа), возникновение и быстрое развитие мусульманских торговых городов-государств вдоль караванного пути, тянувшегося из глубины континента к Аденскому заливу. То, что «экономические преимущества оказались на стороне юга», слабо контролировавшегося загвеевской династией, обусловило в конечном счете, по мнению автора, скорое падение загвеев.